

После ужина, выйдя из двора старого господина Ци, уже стемнело. Братья договорились встретиться на следующий день в лодочной мастерской у городского озера, чтобы попробовать чай Мэндин Ганьлу, после чего разошлись по своим дворам.

На лице Линь Яньхуна играла улыбка, которая не исчезла даже после того, как он вошел в лунные ворота.

Войдя в дом и обменявшись парой слов с Хупо, он вдруг заметил, что маленький зверек, который обычно выбегал к нему, едва услышав шаги, на этот раз так и не появился.

Он направился во внутренние покои и нашел волчонка на кровати.

Малыш лежал на боку, спиной к двери, будто спал. Его маленькая спина выглядела одинокой и жалкой, что заставило сердце Линь Яньхуна сжаться.

Он сел на край кровати, нежно погладил его по спине, а затем по ушам:

— Цзинчэн спит?

Хотя он видел, как хвостик малыша двигался, это был явный риторический вопрос.

Волчонок пошевелил ушами, которые он гладил, но не встал, продолжая лежать, словно игнорируя Линь Яньхуна.

Линь Яньхун осторожно потрогал его животик, убедившись, что малыш уже поужинал, и с облегчением вздохнул.

Но, видя, что тот не обращает на него внимания, он задумался, не понимая, в чем проблема, и продолжил мягко говорить:

— Тогда спи еще немного, я пойду умыться, а потом поиграю с тобой.

Как только Линь Яньхун повернулся, собираясь встать, он почувствовал движение за спиной. Не успел он оглянуться, как кто-то обнял его сзади.

— Цзинчэн?

Увидев загорелую руку, лежащую на его груди, Линь Яньхун сначала удивился, но, слегка пошевелившись, почувствовал, как объятия стали крепче. Он не стал сопротивляться, хотя человек за спиной почти всем своим весом навалился на него:

— Что случилось?

На самом деле, Ли Цзинчэн сам не понимал, что с ним происходит.

Когда он не видел Линь Яньхуна, его мысли были полны им, и он хотел быть рядом каждую минуту.

Но когда он видел Линь Яньхуна, в груди поднималась горечь... горче, чем то вино из лотоса, что он попробовал в тот день, и без сладости, без послевкусия.

В форме волка он мог свободно кататься у него на руках, лизать его подбородок и щеки, чувствовать, как его нежные руки гладят уши, спину, лапы и хвост, и даже спать, уткнувшись в его шею.

Ли Цзинчэн считал, что он ближе всех к Линь Яньхуну, видел его таким, каким другие не видели — то холодным, то возвышенным, то невероятно нежным.

Он думал, что только он один знает, насколько хорош Линь Яньхун, но постепенно многие стали восхищаться его улыбкой.

Служанки Линь Яньхуна, его, казалось бы, безвольный отец, маленький двоюродный брат, найденный в родовом поместье, и эти родственники со стороны матери...

Они были как неуловимые враги, вызывающие у Ли Цзинчэна ревность, но с которыми он ничего не мог поделать.

Он мог приказать Теневому стражу подставить ногу женщине, которая постоянно крутилась вокруг Линь Яньхуна, но мог ли он приказать ему причинить вред тем, кто занимал важное место в сердце Линь Яньхуна?

Он всегда знал, что они похожи — ведь они оба были «одинокими волками» среди людей.

Даже если у Линь Яньхуна не было Возвращения Души Предка, он часто смотрел так, что другие не понимали его взгляда — пустого, возвышенного, жестокого и равнодушного.

Ли Цзинчэн был очарован нежным Линь Яньхуном, но также влюбился в его таинственную и независимую натуру.

Он не встречал многих людей, но глубоко чувствовал, что если этот человек будет рядом, то все остальные — неважно, видел он их или нет — уже не имеют значения. Он уже пережил весь мир.

Слушая сутры у наставника Уцзюэ, Ли Цзинчэн даже думал, что это предопределение судьбы — он обменял все свои связи с людьми на связь с одним человеком, но в конце концов не мог полностью обладать им.

Ли Цзинчэн хотел вырваться из этой «судьбы», но это было невероятно сложно, и он чувствовал себя беспомощным.

Он крепко обнял Линь Яньхуна, прижавшись губами к его шее — он не знал, зачем это делает, но его тело хотело именно этого.

Линь Яньхун почувствовал, как обнимающие его руки сжались сильнее, а горячее дыхание на шее и за ухом вызвало странное чувство, но он не стал сопротивляться.

Возможно, из-за месяцев, проведенных вместе, «деля одну постель», он уже привык к его запаху и температуре — хотя обычно это была теплая, пушистая шерсть волчонка... Так что он не чувствовал особого дискомфорта, лишь легкое недоумение.

Он поднял руку и похлопал Ли Цзинчэна по руке:

— Завтра принесу тебе угощения из переулка Чжуантай, хорошо?

В последнее время, под влиянием кузенов, даже утешая, он не забывал о еде.

Линь Яньхун понимал, что расстроило Ли Цзинчэна, и жалел его одиночество, но ничего не мог поделать.

— Будь он в форме волка или человека, сейчас он не мог выйти с ним на улицу.

Иногда Линь Яньхун понимал, почему князь Юй оставил Ли Цзинчэна рядом с ним.

Просто хотел, чтобы кто-то был рядом, учил его читать, писать, понимать мир, добавляя немного «человечности» в его одинокую жизнь.

Но Линь Яньхун не был придатком резиденции князя Юй. Он не мог отдать всю свою жизнь этому юноше, даже если он был наследником князя Юй и уникальным носителем Возвращения Души Предка.

Он мог дать ему только свою нежность и заботу, но в конце концов они были отдельными личностями, каждый отвечал за свою жизнь.

...

Ли Цзинчэн обнял его еще немного, потерся о него, понюхал и, обнаружив, что запах других людей наконец исчез, а остался только его собственный, почувствовал себя лучше.

Чутко уловив изменение настроения человека за спиной, Линь Яньхун с облегчением вздохнул и снова похлопал Ли Цзинчэна по руке:

— Дай мне умыться, а ты оденься...

Сказав это, он снова почувствовал странное ощущение, и его уши, нагретые дыханием другого, покраснели.

Он начал вырываться из объятий, и на этот раз это удалось легко.

— Лежи спокойно под одеялом, я скоро вернусь, и мы сыграем в шахматы.

Из игр, которые можно проводить в комнате, шахматы были отличным выбором — они были интересны и учили Ли Цзинчэна стратегии, что нравилось им обоим.

Конечно, ощущение полной победы над малышом было весьма забавным... Хотя тот, чье сердце уже почернело, никогда бы в этом не признался.

Шахматные фигуры, которые они использовали, были привезены из Юньяна — тридцать две деревянные фигуры, половина красные, половина черные.

В игре красные фигуры включали генерала, двух советников, двух слонов, две колесницы, двух коней, две пушки и пять пешек; черные — генерала, двух стражей, двух слонов, две колесницы, двух коней, две пушки и пять пешек.

Линь Яньхун смотрел на юношу, погруженного в раздумья, и не мог сдержать внутренней усмешки — так серьезно думать непросто, но следующие ходы он уже видел насквозь.

Расслабившись, его взгляд невольно блуждал.

Юноша перед ним уже был совсем не тем, кем он был прошлым летом.

При первой встрече мальчик, бросившийся к нему в объятия, был ниже его, но за неполный год он почти догнал, а может, даже перегнал его.

Загорелая кожа выглядела очень здоровой, а на руках и груди уже появились очертания мышц — по крайней мере, рука, обнимавшая его, и грудь, прижатая к нему, уже ощущались как «мужские».

Особенно его глаза — глубокие и загадочные, при ближайшем рассмотрении в свете лампы, казалось, излучали слабый зеленый свет.

Заметив взгляд Линь Яньхуна, Ли Цзинчэн тут же посмотрел на него, и в тот момент его пронзительный и сосредоточенный взгляд заставил сердце Линь Яньхуна забиться сильнее.

«Это был взгляд хищника, смотрящего на добычу... и тот, на кого он смотрел, не мог не содрогнуться!»

Но вскоре этот пугающий взгляд смягчился, словно Линь Яньхун был не добычей, а его сокровищем.

— Ты... что смотришь? — голос Линь Яньхуна почему-то дрожал:

— Ты... ты решил, куда пойдешь?

— Нет. — Ли Цзинчэн произнес это с невозмутимым лицом, честно до безысходности.

Он вдруг схватил руку Линь Яньхуна и потянул к себе, чуть не притянув его к своей груди.

— Научи меня.

<http://bllate.org/book/17693/1651429>